

Ле-цзы
Чжуан-цзы

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Древневосточная литература

Ле-цзы. Чжуан-цзы

«Издательство АСТ»

УДК 821.581-82
ББК 84(5Кит)я43

Древневосточная литература

Ле-цзы. Чжуан-цзы / Древневосточная литература —
«Издательство АСТ», — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-182954-4

Перед вами два величайших памятника древнекитайской культуры: «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы». Притчи, легенды, сказки и афоризмы мудрецов — не только философские, но и остроумные художественные произведения. «Дао» — «путь» — понятие, которое лежит в основе учений. Это путешествие по непознанной дороге жизни, попытка найти себя и ощутить бесконечность мира. По праву названная жемчужиной мировой мудрости, эта книга доносит до нас понятия представления мудрецов о пространстве и времени, государственном устройстве, чувствах и разуме, творчестве и счастье, знакомит с историей философии и культурных традиций Древнего Китая. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.581-82
ББК 84(5Кит)я43

ISBN 978-5-17-182954-4

© Древневосточная литература
© Издательство АСТ

Содержание

Ле-цзы	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ле-цзы. Чжуан-цзы

Ле-цзы

Глава 1 ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ

Учитель¹ Ле-цзы² прожил на болотах [царства]³ Чжэн⁴ сорок лет, пребывая в неизвестности. Царь, сановники, благородные мужи не выделяли его [из] толпы. В голодный год [он] собрался уйти в зятя <переселиться> в [царство] Вэй⁵.

Ученик его спросил:

– Пржедерожденный⁶ уходит, не назначив срока возвращения? Что преподаст [мне] Пржедерожденный? Дозвольте [мне], ученику⁷, задать вопрос: не слышал ли Пржедерожденный речей учителя Лесного с Чаши-горы⁸?

Учитель Ле-цзы улыбнулся и ответил:

– Какие же из речей учителя с Чаши-горы? Хотя попробую тебе поведать, что я слышал, когда учитель [Лесной] говорил Дяде Темнеющее Око⁹. Вот его слова:

«Существуют рожденный и нерожденный, изменяющийся и неизменяющийся¹⁰. Нерожденный способен породить рожденного, неизменяющийся способен изменить изменяющегося. Рожденный не может не родиться, изменяющийся не может не изменяться. Поэтому всегда рождаются и всегда изменяются. Всегда рождающиеся, всегда изменяющиеся все время рождаются, все время изменяются. Таковы жар и холод¹¹, четыре времени года.

Нерожденный как будто единственный, неизменяющийся [движется] то туда, то обратно. Время его бесконечно, путь¹² единственного как будто беспределен».

¹ Такое обозначение Ле-цзы показывает, что записи речей принадлежали не ему самому, а кому-то из учеников или последователей его школы.

² Ле-цзы, или Ле Защита Разбойников (Юйкоу), – по-видимому, ученик ученика Лаоцзы. См. гл. 1, прим. 10, 11.

³ В квадратные скобки здесь и ниже заключены добавления от переводчика, связанные с лаконизмом древнего текста и требованиями русского языка; в угловые скобки – варианты перевода, текста и отдельных знаков в особо сложных случаях.

⁴ Чжан – родина Ле-цзы, одно из многих царств Китая до объединения страны в III в. до н. э., находилось на территории современной провинции Хэнань.

⁵ Вэй – (№ 3028) одно из древних царств Китая, находившееся на территории современных провинций Хэнань и Хэбэй.

⁶ Пржедерожденный (сянйиэн) – в древности почтительное обращение к старшему, позже приобрело значение «учитель», «господин».

⁷ «[Мне], ученику» – в древности вместо употребления местоимений собеседники чаще называли себя и обращались друг к другу по имени или званию.

⁸ Учитель Лесной с Чаши-горы (Хуцюцзы Линь, или Хуцзы) – учитель Ле-цзы, родом из того же царства Чжэн. Фамилия его, по-видимому, Шан, так как далее он называется еще Старым Шаном (Лао Шан). В «Чжуанцзы» (189–190), о нем говорится также, как об учителе Ле-цзы; в «Весне и осени Люя» (цз. 15, VI, 167) – как об учителе Цзычяня (Гунсунь Цяо). Зафиксированные в «Исторических записках» (цз. 42) даты жизни Цзычяня (начало его деятельности как сановника царства Чжэн-554 г. и смерть-496 г.) дают возможность определить и время жизни Хуцюцзы, современника Цзычяня.

⁹ Дядя Темнеющее Око (Бо Хуньюжэнь), или Дядя Высокий (Бо Гаоцзы), – также ученик Хуцюцзы, учитель и друг Ле-цзы. В «Чжуанцзы» (169–170) имеется вариант имени – Во Хуньюжэнь, он – также учитель, т. е. современник Цзычяня. Эти данные позволяют уточнить и время жизни самого Ле-цзы (примерно конец VI в. – начало V в. до н. э.) и поставить под сомнение традиционные даты (V в. – начало IV в. до н. э.).

¹⁰ Фрагмент посвящен философскому понятию материи и ее формам, как конечному и бесконечному в их противоположности и взаимосвязи.

¹¹ Жар и холод (ян и инь) – основные силы в древней китайской космогонии, которые обозначали энергию тепла.

¹² Фрагмент посвящен философской категории «путь» – дао, лежащий в основе учения даосизма и давшей ему название.

В преданиях о Желтом Предке¹³ говорится:

«Пустота – бессмертна, назову ее глубочайшим началом.

Вход в глубочайшее начало назову корнем неба и земли.

[Глубочайшее начало] бесконечно, как существование, и действует без усилий».

Поэтому-то порождающий вещи¹⁴ не рождается, изменяющий вещи не изменяется. [Вещи] сами¹⁵ рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить, будто кто-то <намеренно> порождает, развивает, формирует, окрашивает, [дает] познание, силу, [вызывает] истощение и исчезновение.

Учитель Ле-цзы сказал:

– В старину мудрые люди считали жар и холод общей основой вселенной¹⁶. Откуда же появилась вселенная, если обладающий формой возникает из бесформенного?

Оттого и говорили:

– Существует первоначало, существует первоначало, существует первообразование, существует первоэлемент¹⁷. При первоначале еще нет воздуха¹⁸, первоначало – начало воздуха, первообразование – начало формы, первоэлемент – начало» свойств [вещей]. Все вместе – воздух, форма; свойства – еще не отделились друг от друга, поэтому и называются хаосом. Хаос – смешение тьмы вещей, еще не отделившихся друг от друга. «Смотрю на него, но не вижу, слушаю его, но не слышу», следуя за ним, «но его не обретаю»¹⁹. Поэтому и называется [перво]непостоянство, что [перво]непостоянство не имеет наружных очертаний; [Перво]непостоянство развивается и превращается в одно²⁰, одно развивается и превращается в семь, семь развивается и превращается в девять²¹, девять – предел развития, снова изменяется и становится одним. Одно – начало развития формы. Чистое и легкое поднимается и образует небо, мутное и тяжелое опускается и образует землю. Столкновение и соединение [легкого и тяжелого] воздуха образует человека. Оттого что во вселенной содержатся семена²², порождается и развивается [вся] тьма вещей.

Учитель Ле-цзы сказал:

– Небо и земля не всемогущи, мудрецы не всемогущи, тьма вещей не удовлетворяет все нужды. Дело неба порождать и покрывать сверху, дело земли – формировать и поддерживать снизу, дело мудрых – обучать и просвещать, [каждой из] вещей присуще [ее] дело. Однако и

¹³ К преданиям о Желтом Предке здесь отнесено изречение Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 6). Неточности в указании источника, как и в цитировании, объясняются устной передачей произведений в ту эпоху.

¹⁴ Философскому термину «вещи» соответствует китайское слово у, означающее предметы неодушевленные и одушевленные.

¹⁵ «Сами» – прием повторения, необходимый для того, чтобы подчеркнуть тезис о саморазвитии всех существ, направленный против идеалистического учения о сознательной воле небес, см. также «Чжуанцзы», стр. 300.

¹⁶ Тяньди, – небо и земля, вместе взятые, у даосов чаще всего обозначали вселенную или природу.

¹⁷ Фрагмент посвящен космогонии Ле-цзы, разработанной более подробно и конкретно, чем у Лаоцзы (вар. см. «Чжуанцзы», 219).

¹⁸ Воздух, эфир (ци) Ле-цзы (а за ним Чжуанцзы и Ван Чун – I в. н. э.), как и древнегреческий философ Анаксимен, принимал за первовещество, отождествляя таким образом материю в целом и отдельный ее вид.

¹⁹ «Дао дэ цзин», § 14.

²⁰ Ср. «Дао дэ цзин», § 42: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три – все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию».

²¹ Семь, девять – числа, означавшие «множество», возможно, имеют нечто общее с символикой чисел в «И цзине». См. Ю. К. Шуцкий, Китайская классическая «Книга перемен», стр. 22.

²² «...семена» (цзин, а также цзи в двух вариантах знаков: № 7038, 7044). Ср. стр. 10–11, 126, «Чжуанцзы», 189, 225, «Дао дэ цзин», § 21: «В нем (дао. – Л.П.) заключены семена». Мельчайшие семена, из которых формируются живые существа, растения и пр. «вещи» и на которые они снова распадаются, – это, возможно, древняя догадка о существовании атомов.

у неба есть недостатки²³ там, где у земли – преимущества; и вещи постигают то, в чем мудрецы терпят неудачу. Отчего? Оттого что порождающее и покрывающее [небо] не способно формировать и поддерживать, формирующая и поддерживающая [земля] не способна обучать и просвещать, обучающие и просвещающие [мудрецы] не способны действовать вопреки тому, что присуще [вещам, а вещи] – не способны выйти за пределы того определенного, что им присуще. Поэтому путь природы – либо жар, либо холод, учение мудрых – либо милосердие, либо справедливость, у тьмы вещей – либо мягкость, либо твердость. Все они следуют за присущим [им] и не способны выйти за его пределы.

Поэтому есть обладающий жизнью, есть и то, что порождает обладающего жизнью²⁴; есть обладающий формой, есть и то, что создает обладающего формой; есть обладающий звуком, есть и то, что дает звук обладающему звуком; есть обладающий цветом, есть и то, что дает цвет обладающему цветом; есть обладающий вкусом, есть и то, что дает вкус обладающему вкусом. То, что порождается рожденным, – смерть; но то, что порождает рожденного, никогда не кончается; то, что формируется в форму, – это сущность, а то, что формирует форму, никогда [формой] не обладает; произведенный звучащим звук слышен, а то, что порождает звучащее, никогда не звучит; порожденная цветом окраска ясно видна, а то, что порождает цвет, никогда не заметно; порожденный вкусом вкус ощущается, а то, что порождает вкусовое ощущение, никогда не обнаруживается: все это дело недеяния²⁵. [Недеяние] способно быть жаром и холодом, способно быть мягким и твердым, коротким и длинным, круглым и квадратным, живым и мертвым, горячим и холодным, способно плавать и тонуть, способно быть первым и вторым тоном гаммы, способно появляться и исчезать, быть пурпурным и желтым, сладким и горьким, вонючим и ароматным. [Недеяние] не имеет знаний, не имеет способностей, но нет того, чего бы оно не знало, нет того, чего бы оно не могло.

Учитель Ле-цзы, направляясь в Вэй, решил закусить у дороги. Его спутники заметили столетний череп²⁶ и, отогнув полынь, показали учителю.

Посмотрев [на череп, Ле-цзы] сказал своему ученику Бо Фыну²⁷: – Только мы с ним понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Как неверно печалиться [о смерти]! Как неверно радоваться [жизни]!

Есть мельчайшие семена, подобные [икре] лягушки²⁸, [яйцу] перепелки. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится [растением] воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в

²³ «И у неба есть недостатки» – этот атеистический тезис Ле-цзы разделяется и другими философами (Пэн Мыном, Тянь Пянем, Шэнь Дао). См. «Чжуанцзы», 403.

²⁴ Фрагмент посвящен противоположности и взаимосвязи между сущностью (материей) и ее многообразными формами, а также между субъективным (чувственным, человеческим) восприятием и объективной действительностью.

²⁵ Недеяние, как полагают комментаторы, – «высшая [форма] небытия, поэтому способно служить основой для тьмы изменений». Ср. «Дао дэ цзин», § 2: «...Бытие и небытие порождают друг друга... длинное и короткое взаимно оформляются...»; § 37: «Дао всегда в недеянии, но нет ничего, чего бы оно не делало». Категория, по-видимому, подобная «пустоте» у древнегреческих атомистов. В социально-этическом учении даосов под недеянием подразумевалась жизнь человека в соответствии с законами природы в противовес деяниям правителей осуществлявшимся вопреки этим законам, см. «Чжуанцзы», 317.

²⁶ Фрагмент, близкий к притче, посвящен проблеме жизни и смерти как форме движения материи. Позже он вошел в «Чжуанцзы» (267) в более лаконичном варианте: Ле-цзы беседует не с учеником, а с черепом.

²⁷ Бо Фын, по-видимому, также ремесленник, появляется и в другом фрагменте (61–62), но уже в окружении своих учеников.

²⁸ В этом фрагменте излагается догадка Ле-цзы о единстве органического мира и его многообразии, о возникновении растений и животных и их развитии от простейших организмов к сложным, включая человека. Соединяя процесс самозарождения с влагой и гниением, Ле-цзы, а за ним Чжуанцзы (267) в какой-то мере перекликаются с Демокритом и другими древнегреческими философами. См. А. О. Маковельский, Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, стр. 101.

земляных и древесных червей, а листья – в бабочек; бабочки также изменяются и становятся насекомыми²⁹. [Когда насекомые] родятся у соляного поля <очага>, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] *цуйдо*³⁰. *Цуйдо* через тысячу дней превращается в птицу, ее имя – *ганьйуйгу*. Слюна *ганьйуйгу* становится *сыми*, *сыми* превращается в [насекомое] *илу* в пищевом уксусе. *Илу* пищевого уксуса порождает [насекомое] *хуанхуан* пищевого уксуса. От *хуанхуан* пищевого уксуса рождается [насекомое] *цзюю*, от *цзюю* [насекомое] *моужуй*, от *моужуй*. вошь на тыквах.

Баранья печень превращается в *дигао*, кровь коня превращается в блуждающие огоньки, и кровь человека превращается в блуждающие огоньки³¹. Сокол становится ястребом, ястреб – кукушкой, кукушка много времени спустя снова становится соколом. Ласточка превращается в устрицу, крот – в перепела, сгнившая тыква – в рыбу, переросший порей – в петушинный гребешок, старая овца – в обезьяну, рыба икра – в червяка.

[Животное] Даньюань само себя оплодотворяет и рождает, это называется *лэй*. Водоплавающая птица родит от взгляда, называется птица – рыболов. [Есть породы] только самок – называются гигантские черепахи; [есть породы] только самцов – называются осы. В [стране] Дум³² мужчина не [соединяется], а чувствует, женщина без мужа, а зачинает. Царь Просо³³ родился от огромного следа, Найденный на Реке Инь³⁴ родился в дупле шелковицы.

Из согретой сырости рождается папоротник, из вина [насекомое] *сицзи*. [Растение] *янси*, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака – барса, барс – лошадь, лошадь – человека. Человек состарившись уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается³⁵.

В преданиях о Жёлтом Предке говорится:

– Движение формы [тела] порождает не форму, а тень³⁶; движение Звука – не звук, а эхо; движение [действие] небытия порождает не небытие, а бытие. Форма [тело] – это то, чему непременно придет конец. Придет ли конец небу и земле [вселенной]? Всему [ли] настанет конец вместе с нами? Не знаем, наступит ли полный конец. Наступит ли конец пути, который, собственно, не имеет начала? Истошится ли [путь], который, собственно, не имеет бытия <во времени>? Обладавший жизнью становится снова неживым; обладавший формой становится снова бесформенным; неживое, собственно, не то, что не жило; бесформенное, собственно, не то, что не обладало формой. Живому, по закону природы³⁷, непременно придет конец; как конечное не может не прийти к концу, так и живое не может не жить. Те, кто хочет жить постоянно, без конца, не знают границ естественных законов³⁸. Жизненная сила³⁹ – это часть, [полу-

²⁹ Чунь – этот термин обозначает как класс насекомых, так и отряд пресмыкающихся, хотя для последних встречается и особое название э (65).

³⁰ «цуйдо...» – это и другие названия, данные в транскрипции, не поддаются отождествлению с современными.

³¹ «...блуждающие огоньки» – народное поверье.

³² Страна Дум (Сы) – страна сказочная.

³³ Царь Просо (Хоу Цзи) – основатель земледелия, герой одного из мифов, сохранившихся в гимне «Рождение народа» (см. «Хрестоматия по истории Древнего Востока», стр. 429).

³⁴ Найденный на реке Инь (И Инь) – легендарный советник основателя так называемой династии Шан-Инь, по традиции, относится к XVIII в. до н. э. (см. «Чжуанцзы», 318).

³⁵ В этом фрагменте у Ле-цзы нет границы между предметами одушевленными и неодушевленными, однако ниже он выделяет существа, «обладающие кровью» (сюэ ци). Этот термин см. также у Ван Чуна («Лунь хэн», VII, 203).

³⁶ Абзац посвящен отличию явления от сущности, а также проблеме конечного и бесконечного, в частности – материалистическому объяснению смерти.

³⁷ «Закон природы» – ли в отличие от дао, всеобщего закона развития мира, обозначал, видимо, закон развития отдельных вещей.

³⁸ Из того факта, что Ле-цзы отрицал бессмертие, можно заключить, что поиски возможности бессмертия велись и в то время.

³⁹ Жизненная сила (ниже – энергия, душа) – цзиншэнь, по Лаоцзы, Ле-цзы и Чжуанцзы (265, 303) состояла, как и плоть,

ченная] от неба; скелет [тело] – это часть от земли; чистое относится к небу и рассеивается, мутное относится к земле и соединяется [с ней]. Жизненная сила покидает форму, и каждая из них возвращается к своему подлинному [состоянию]; Вот почему [душа умершего] называется *гуй*. *Гуй* означает возвращение, возвращение в свой подлинный дом.

Желтый Предок сказал:

– Как [могу] я еще существовать, [когда] душа проходит в свою дверь, а тело возвращается к своему корню? Человек от начала и до конца четырежды переживает великие изменения: младенчество в детстве, возмужание в юности, одряхление в старости, исчезновение в смерти. В младенчестве только воздух [энергия] приводит желания к единству и достигается высшая гармония. Вещи не наносят вреда [человеку, к полноте его] свойств⁴⁰ нечего добавить. Во время возмужания в юности воздух [энергия] в крови⁴¹ переливается через край, [человека] переполняют страсти и заботы, [он] подвергается нападению вещей, и поэтому свойства [его] ослабевают. Во время одряхления в старости страсти и заботы смягчаются, тело готовится к отдыху, вещи [с ним] не соперничают. Хотя [свойства его] и не обладают той полнотой, что во младенчестве, но [они] более спокойны, чем в юности. Исчезая в смерти, [человек] идет к покою, возвращается к своему началу.

Странствуя по Горе Великой⁴², Конфуций⁴³ заметил Юна Открывшего Сроки⁴⁴, который бродил по пустынным окрестностям Чэн⁴⁵. Одетый в оленью шкуру, подпоясанный веревкой, [он] играл на *цине*⁴⁶ и пел.

– Чему радуетесь [вы], Преждерожденный? – спросил Конфуций.

– Я радуюсь многому, – ответил тот. – Природа рождает тьму существ, самое же ценное из них – человек. И мне удалось стать человеком. Такова первая радость. Мужчины и женщины отличаются друг от друга, мужчин уважают, женщин презирают, поэтому мужчина ценится выше. И мне удалось родиться мужчиной. Такова вторая радость. Человеку случается не прожить дня или месяца, [он умирает] не освободясь даже от пеленок. А я дожил уже до девяноста лет. Такова третья радость. Быть бедным – правило мужа; смерть – конец человека. Зачем же горевать, если я обрету конец, оставаясь верным правилу?

– Прекрасно! – сказал Конфуций. – Как умеете [вы] утешать самого себя!

Подобный Лесу⁴⁷ достиг почти ста лет. В конце весны, [еще] одетый в шубу, он шел и пел, подбирая колоски, оставшиеся на заброшенной полосе. Его заметил на равнине Конфуций, который направлялся в Вэй, и, обернувшись к ученикам, сказал:

– С тем старцем следует поговорить. Попробуйте подойти и его расспросить.

из материи, лишь иного свойства.

⁴⁰ Свойства (дэ) – атрибуты (см. Ян Хиншун, стр. 63 и сл.).

⁴¹ Ле-цзы говорит о возрастных особенностях человека с естественнонаучных позиций. Ср. Конфуций о том же с точки зрения морали («Изречения», гл. 16, I, 359).

⁴² Гора Великая (Тайшань) – одна из священных гор Китая, на территории современной провинции Шаньдун, другое название – Гора Преемства (Дайшань, 70).

⁴³ Конфуций (Кунцзы, Кун Цю, Цю, Чжунни) – VI–V вв. до н. э. Полемика с идеалистическим социально-этическим учением Конфуция, воспринятым позже господствовавшей в Китае религией, посвящен данный фрагмент, как и многие ниже следующие.

⁴⁴ Юн Открывший сроки (Цици) – приверженец даосизма, о нем см. также «Хуайнаньцзы», цз. 11, VII, 184–185.

⁴⁵ Чэн – город в Лу, одном из древнекитайских царств, находившемся на территории современной провинции Шаньдун.

⁴⁶ Цинь – струнный музыкальный инструмент.

⁴⁷ Подобный Лесу (Линь Лэй) – приверженец даосизма, см. также «Хуайнаньцзы», цз. 11, VII, 184–185.

Попросив разрешения, Цыгун⁴⁸ отправился навстречу. [Встав] в конце межи лицом к старцу, [Цыгун] со вздохом спросил:

– [Вы] распеваете, подбирая колоски. Неужели Преждерожденного не мучает раскаяние?

Подобный Лесу не остановился и не перестал петь. Но Цыгун [продолжал] спрашивать без конца, пока тот не поднял голову и не сказал:

– В чем же мне раскаиваться?

– С какой радости Преждерожденный поет, подбирая колоски? [Быть может],

«В юности не трудился,

В зрелости не боролся,

В старости [остался] без жены и сыновей,

А смертный час уж близится!»⁴⁹.

– То, что меня радует, у всех людей, напротив, вызывает печаль, – с улыбкой ответил Подобный Лесу. – «В юности не трудился, в зрелости не боролся»⁵⁰ – поэтому-то и сумел прожить столько лет. «В старости [остался] без жены и сыновей, а смертный час уж близится!» – этому я и радуюсь.

– Как можете вы радоваться смерти? – спросил Цыгун. – [Ведь] смерти люди боятся, а долголетию радуются.

– Смерть и жизнь подобны возвращению и отправлению⁵¹. Откуда мне знать, что, умерев в этом [случае], не родишься в другом [случае]? Ведь я знаю [только], что они [жизнь и смерть] не походят друг на друга. Откуда мне знать, не заблуждается ли тот, кто добивается жизни? Откуда мне также знать, не будет ли моя нынешняя смерть лучше, чем прошедшая жизнь? – Таков был ответ Подобного Лесу.

Цыгун выслушал его, но не понял. Вернулся и сообщил [обо всем] учителю.

– Я знал, что с ним следует поговорить, – сказал учитель. – Так и оказалось. Он обрел [мудрость], но не до конца.

Цыгун устал учиться и сказал Конфуцию:

– Хочу отдохнуть.

– В жизни нет отдыха, – ответил Конфуций.

– Значит [мне], Сы, негде отдохнуть?

– Есть где. Взгляни вот туда и узнай, где найдешь отдых. И простор и высота! И могильный курган! И заклание скота! И жертвенный треножник!

– Как величественна смерть! – воскликнул Цыгун. – Для благородного мужа – отдых, для ничтожного человека – падение ниц.

– Ты познал ее, Сы! Всем людям понятна радость жизни, но не всем – горечь жизни; всем понятна усталость старости, но не всем – отдых в старости; всем понятен страх перед смертью, но не всем – покой смерти⁵².

Яныцзы сказал:

⁴⁸ Цыгун (Дуаньму Сы) – ученик Конфуция, см. «Изречения», 1, I, 14.

⁴⁹ Четверостишие заимствовано, по-видимому, из народных песен того времени, хотя в своде песен («Ши цзин») оно отсутствует.

⁵⁰ «...не поборолся» – один из тезисов даосов, направленных против конфуцианского идеала («благородного мужа»), обязанного добиваться «славы», т. е. почестей и богатства (см. «Изречения», гл. 15, I, 342).

⁵¹ Этот фрагмент позже стали толковать в буддийском духе.

⁵² «Покой смерти» – даосский тезис, который провозглашается устами противника даосизма (один из полемических приемов).

– Как прекрасна была смерть для древних! Для достойных⁵³ она – отдых, для недостойных – падение ниц. Смерть – конец свойств. Древние называли мертвого вернувшимся. Если мертвого называть вернувшимся, то живого – странствующим. Если странствующий забывает о возвращении, [он] становится бездомным.

Когда один становится бездомным, его порицают все. Когда же [все] в Поднебесной становятся бездомными, разве найдется мудрый, чтобы их порицать!

Что за человек тот, кто уйдет из родных мест, покинет всю свою родню⁵⁴, бросит свой дом, свое достояние, уйдет бродить на все четыре стороны и не вернется? Все непременно назовут его безрассудным, безумным. А что за человек тот, кто ценит [свое] тело и жизнь, хвастается своими способностями и мастерством, создает себе имя и славу, кичится перед живущими и забывает о [своем] конце? Все непременно назовут его умным, дальновидным мужем. Оба они ошибаются, однако все похвалят второго и осудят первого. Только мудрый человек ведаёт, кого одобрить, а кого осудить.

Некто спросил учителя Ле-цзы:

– Почему ты ценишь пустоту?

– В пустоте нет ценного, – ответил Ле-цзы и продолжал: [Дело] не в названии. Нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте, обретаешь свое жилище, [в стремлении] взять, отдать теряешь свое жилище. Когда дела пошли плохо, [прежнего] не вернешь игрой в «милосердие» и «справедливость»⁵⁵.

Вскармливающий Медведя⁵⁶ сказал:

– Движение и вращение не имеют конца. Но кто ощутит тончайшие изменения неба и земли [вселенной]? Ведь из-за утраты вещей там – изобилие здесь, из-за полноты здесь – недостаток там. Утраты и изобилие, полнота и недостаток следуют то за жизнью, то за смертью. Кто ощутит то неуловимое мгновение, когда смыкаются друг с другом приход и уход? Воздух <эфир> у каждого нарастает не сразу, форма [тело] у каждого утрачивается не сразу. Не ощущаешь, [когда] они созревают, [когда] они утрачиваются. Так же с каждым днем, от рождения и до старости меняются внешний вид человека, цвет, разум, поведение. Кожа [у него] изменяется, ногти, волосы то вырастают, то опадают. Ведь они со времени младенчества не останавливаются [в росте], не остаются неизменными. Но этот миг [перехода] ощутить нельзя, понимают его много позже.

Некий цисец⁵⁷ не мог ни есть ни спать: опасался, что небо обрушится, земля развалится и ему нигде будет жить. Опасения эти опечалили другого человека, который отправился к нему и стал объяснять:

– Зачем опасаться, что обрушится небо? Ведь небо – скопление воздуха⁵⁸, нет места без воздуха. Ты зеваешь, дышишь и действуешь все дни в этом небе.

⁵³ «Для достойных» (жэнь) – очень сложный термин, обычный перевод которого – «гуманный» – не отвечает его содержанию. Здесь для даосов принимается значение «достойный», для конфуцианцев – «милосердный».

⁵⁴ «Вся родня» (лю цзинь) – шесть степеней родства – термин, который в узком смысле обозначает родственников в пределах одной семьи и в широком – большую семью и свойственников.

⁵⁵ «Милосердие» и «справедливость» (жэнь, и) – эти термины часто служат синонимом конфуцианского учения. Ср. «Дао дэ цзин», § 38.

⁵⁶ Вскармливающий Медведя (Юй Сюн, Юйцзы), по преданию, – наставник чжоуского царя Прекрасного (Вэньвана, XII в. до н. э.), автор «Книги» в 22 главы. Его устами в данном фрагменте передаются догадки даосов о сохранении вещества (см. также стр. 258) и о переходе количества в качество.

⁵⁷ Притча Ле-цзы об этом цисце осталась жить в Китае и доныне в виде поговорки «опасения цисца», означающей беспочвенный страх.

⁵⁸ Материалистическое понимание неба, как и общего строения мира, ясно выраженное Ле-цзы, не позволяет думать, что

– [Если] небо действительно скопление воздуха, то разве не должны упасть солнце, луна, планеты и звезды? – спросил цисец.

– Солнце, луна, планеты и звезды – это [та часть] скопления воздуха, которая блесит. Пускай бы даже упали, никому бы не причинили вреда.

– А если земля развалится?

– Зачем опасаться, что земля развалится? Ведь земля – это скопление твердого [тела], которое заполняет [все] четыре пустоты. Нет места без твердого [тела]. Ты стоишь, ходишь и все дни действуешь на земле.

Успокоенный цисец очень обрадовался, а объяснявший ему, также успокоенный, очень обрадовался.

Услышал об этом учитель Высокий Тростник⁵⁹, усмехнулся и сказал:

– Радуга простая и двойная, облака и туман, ветер и дождь, времена года – эти скопления воздуха образуют небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево – эти скопления формы [тел] образуют землю. Разве познавший, что [небо] – скопление воздуха, познавший, что [земля] – скопление твердых [тел], скажет, что [они] не разрушатся? Ведь в пространстве небо и земля – вещи очень мелкие, [хотя] самое крупное в них <в небе и земле> бесконечно, неисчерпаемо. Это очевидно. Трудно [их] измерить, трудно изучить. Это очевидно. Опасность их разрушения [относится] действительно к слишком далекому будущему, но слова о том, что они [никогда] не разрушатся, также неверны. Поскольку небо и земля не могут не разрушиться, [они обязательно] разрушатся. Разве не будет опасности, когда придет время их разрушения?

Услышал об этом учитель Ле-цзы, усмехнулся и сказал:

– Говорящие, что небо и земля разрушатся, ошибаются; говорящие, что небо и земля не разрушатся, также ошибаются. Разрушатся или нет, я не могу знать. Хотя одни [утверждают] первое, а другие – второе, но ведь живые не знают, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые; приходящие не знают ушедших, а ушедшие – приходящих. Что нам тревожиться, разрушатся [небо и земля] или нет!

Ограждающий⁶⁰ спросил своих помощников:

– Могу ли обрести путь и им владеть?

– Собственным телом не владеешь⁶¹, как же можешь обрести путь и им владеть! – ответили ему.

– Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

– Это скопление формы во вселенной. Жизнь [своей] ты не владеешь, ибо она – соединение [частей] неба и земли. Своими свойствами и жизнью ты не владеешь, ибо это случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они – скопление сброшенной [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

он верил в миф о починке небосвода Ньюва. Поэтому критика данного мифа у Ван Чуна («Лунь хэн», – VII, 105), развивавшего учение Ле-цзы о ци, направлена не против Ле-цзы.

⁵⁹ Высокий Тростник (Чан Луцзы), как и Подобный Лесу, – персонаж с прозвищем в даосском стиле (настолько познал природу, что стал ей подобен). О нем см. также Сыма Цянь (Исторические записки, цз. 74, т. I, стр. 813). Его объяснения носят атеистический характер, ибо небу, горам, рекам тогда приносились жертвы, а радуга и другие явления считались знамениями небес. Высказывается также одна из догадок даосов о множественности миров, которая встречается и в дальнейшем (как догадка о макро- и микрокосме).

⁶⁰ Ограждающий (Шунь) – мифический правитель Китая, позже обожествлявшийся конфуцианской религией. 2285–2258 гг. – традиционные даты его соправления с Высочайшим (Яо), до 2208 г. до н. э. он правил самостоятельно.

⁶¹ Фрагмент, повторенный почти дословно в «Чжуанцзы», 248, отражает даосское отрицание любой собственности, включая и верховную, царскую, а также власть отца над сыном, т. е. одного из основных тезисов конфуцианства.

В царстве Ци⁶² жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун⁶³ – Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришел из Сун в Ци выпросить секрет [богатства]. Богач сказал:

– Я овладел [искусством] похищения. С тех пор как начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год – полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, [но] понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. И тут [он] принялся перелезать через ограды, взламывать ворота и тащить все, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив [его] в рабство⁶⁴ за кражу, конфисковали то имущество, что было у него прежде.

Подумав, что Богач его обманул, Бедняк отправился его упрекать.

– Как же ты грабил? – спросил Богач из рода Владеющих, И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело, – Ох! – воскликнул Богач. – Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе [о нем] поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля – прирост. Я и стал грабить у неба погоду, а у земли – прирост; влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было [мною] награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве природой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших [тебя], если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, [Бедняк] отправился к Пржеджерожденному из Восточного Предместья⁶⁵ и спросил у него [совета].

Пржеджерожденный из Восточного Предместья ответил:

– Разве не похищено уже само твое тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение [сил] жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владеет, – заблуждается. Грабеж рода Владеющих – это общий путь, поэтому [Богач] и остался невредим; твой грабеж – это личное желание, поэтому [ты] и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном – таково свойство природы [неба и земли]. Разве познавший свойства природы сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?!

⁶² Царство Ци – одно из древнекитайских царств, находилось на территории современной провинции Шаньдун.

⁶³ Царство Сун – одно из древнекитайских царств, находилось на территории современной провинции Хэнань.

⁶⁴ За воровство наказывали осуждением в рабство (цзанхо на диалекте – цзин и хуай) с конфискацией всего имущества.

⁶⁵ «Пржеджерожденный из Восточного Предместья» (Дунго сянньшэн) – прозвание по месту жительства. Заключение фрагмента, как и вся притча о Бедняке и Богаче, представляет собой иллюстрацию к высказанному ранее положению – отрицанию собственности вообще.

Глава 2 ЖЕЛТЫЙ ПРЕДОК

Десять и [еще] пять лет стоял на престоле Желтый Предок и радовался, что Поднебесная его поддерживала. [Он] наслаждался жизнью, [всем, что] радовало слух и зрение, обоняние и вкус [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

[Проществовал он] еще десять и пять лет и опечалился, что в Поднебесной нет порядка. Истоющая слух и зрение, прилагая всю силу ума, распоряжался [он] народом [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

– Ах! – вздохнул тогда Желтый Предок. – Как погряз я в пороке! Наслаждался сам, и одолела такая напасть. Стал управлять тьмой существ, [и снова] одолела такая напасть!

Тут [он] бросил все дела, оставил дворец, отослал свиту, убрал колокола, ограничил {число} яств на кухне, отошел [от дел] и стал жить в праздности в подворье для приезжающих при дворце. Очищал [свое] сердце, подчинял [себе] тело. [После того как] три луны не вникал в дела правления, заснул днем и увидел сон, будто бродит по стране Всеобщее процветание⁶⁶. А страна Всеобщее процветание [лежит] на запад от Яньчжоу, на север от Тайчжоу⁶⁷, а в скольких миллионах ли от Срединных царств⁶⁸ – неведомо. До нее не добраться ни на лодке, ни на колеснице, ни пешком; странствовать [по ней можно] лишь мыслью.

В этой стране нет ни начальников, ни старших, каждый сам по себе; у народа нет ни алчности, ни страстей, все естественно. [Там] не ведают радости, когда [кто-то] рождается, не ведают горя, когда [кто-то] умирает, поэтому не гибнут юными, преждевременно; не ведают [что значит] любить себя, чуждаться других, поэтому нет ни любви, ни ненависти; не ведают ни измены, ни покорности, поэтому нет ни выгод, ни убытков. Ни к кому у них нет ни любви, ни ненависти, никто ничего не боится, не опасается; входят в реку – не тонут; входят в огонь – не обжигаются; от ударов [у них] нет ни ран, ни боли; от укусов [они] не [чувствуют] зуда. Ступают по воздуху, точно по тверди, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туман не мешают им смотреть, грохот грома не мешает слушать; красота и безобразие не смущают их сердца. Они не споткнутся ни в горах, ни в долинах, передвигаясь лишь мыслью.

Проснулся Желтый Предок, прозревший и довольный, призвал Небесного Старца, Пастыря Силача, Мыслителя с Горы Великой⁶⁹ и им сказал:

– Я провел в праздности три луны, очистил сердце, подчинил тело, надеялся обрести учение о том, как заботиться о себе и управлять другими, но ничего не придумал, устал и заснул. И вот увидел такой сон. Ныне я понял, что настоящее учение нельзя найти чувством. Я его познал [разумом], я его обрел, но не могу о нем вам рассказать⁷⁰.

⁶⁶ Страна Всеобщее Процветание (Хуасюйши) – одна из даосских утопий (ср. также стр. 23, 73–74, 140, 281). Хотя в тексте сказано, что такой страны нет, переводчики и комментаторы связывают ее название с родиной мифического Фуси или с именем его матери (Wilhelm, Lia Dsi, S. 117; Graham, p. 35). Эту «страну» для «реконструкции» мифа о Фуси использует также Юань Кэ, привлекая по сходству «святых Маогушэ», хотя Чжуан-цзы лишь повторил общее место из «Ле-цзы»; см. прим. 6. [См. Юань Кэ, *Мифы древнего Китая*, М., 1965, стр. 52, 329 (далее Юань Кэ)].

⁶⁷ Яньчжоу... Тайчжоу – местности на крайнем западе и северо-западе Китая.

⁶⁸ Срединные царства (или Срединное царство) – название китайских древних царств, которые, как считалось, находились среди «четырех морей» (одно из них на Западе – Зыбучие пески, т. е. пустыня).

⁶⁹ Небесный Старец (Тянь Лао), Пастырь Силач (Ли Му), Мыслитель с Горы Великой (Тайшань Цзи) – помощники Желтого Предка. Прозвища говорят об опыте, силе и разуме.

⁷⁰ Во фрагменте конкретно-чувственное восприятие (чувства) противопоставляется рациональному познанию; плоды последнего, по воззрениям ранних даосов, не могут быть выражены конкретными понятиями.

[Прошло] еще двадцать и восемь лет. В Поднебесной воцарился полный порядок, почти такой же, как в стране Всеобщее процветание. А [когда] Желтый Предок поднялся [ввысь] <умер>, народ оплакивал его не переставая, более двухсот лет.

Гора Охотниц-прорицательниц⁷¹ находится на острове на Океанской реке. Там живут чудесные люди. Вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Сердце [у них] – словно глубокий родник, тело – словно у девственницы. [Не ведомы им] ни ласка, ни любовь, служат им престарелые старцы и мудрые, люди. Не ведая ни страха, ни гнева, служат им искренно и верно; нет ни подачек, ни милостей, а у всех всего достаточно; не собирают, не накапливают, а недостатка не терпят. [Там] постоянно сменяют друг друга жар и холод, светят солнце и луна, следуют друг за другом четыре времени года, равномерно дует ветер и идет дождь, рожают и выкармливают своевременно, урожай зерна всегда в изобилии, а почва не гибнет, не портится. Люди не знают ни зла, ни ранней смерти, у тварей нет ни пороков, ни свирепости, от душ предков нет чудесных откликов⁷².

Учителем Ле-цзы был Старый Шан, а другом – Дядя Высокий. [Ле-цзы] усвоил учение обоих и вернулся домой, оседлав ветер⁷³.

Об этом услышал ученик Инь, последовал за Ле-цзы и несколько лун не уходил домой. [Он] просил [учителя рассказать] на досуге о его искусстве, но десять раз [учитель] не говорил, и десять раз [Инь] возвращался [ни с чем]. Ученик Инь возроптал и попросил разрешения попрощаться. Ле-цзы [и тут] ничего не сказал. Инь ушел на несколько лун, но мысль [об учении] его не оставляла, и [он] снова вернулся.

– Почему ты столько раз приходишь и уходишь? – спросил его Ле-цзы.

– Прежде [я], Чжанцзай, обращался к тебе с просьбой, – ответил Инь. – Ты же мне ничего не сказал, и [я] на тебя обиделся. Ныне забыл, [обида] и поэтому снова пришел.

– Прежде я считал тебя проницательным, ныне же ты оказался столь невежественным. Оставайся! Я поведаю тебе о том, что открыл [мне] учитель, – сказал Ле-цзы. – С тех пор как стал я служить учителю и другу, прошло три года⁷⁴, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился взгляда учителя. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился улыбки учителя. Прошло семь лет и, давая волю своему сердцу, [уже] не думал ни об истинном, ни о ложном; давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, что ложно, что полезно и что вредно; уже не ведал, что учитель – мой наставник, а тот человек – мой друг. Перестал [различать] внутреннее от внешнего. И тогда все [мои чувства] как бы слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух – обонянию, обоняние – вкусу. Мысль сгустилась, а тело осво-

⁷¹ «Гора Охотниц-прорицательниц» (Гуи шань) – одна из даосских утопий. Данный фрагмент (вариант см. «Чжуан-цзы», 137) – одно из свидетельств, что в ораторском искусстве сохранились свойственные фольклору общие места с присущими им противоречиями (например, на горе «зерном не питаются», но в перечисленные блага входит и «урожай зерна...»).

⁷² Атеистический тезис Лаоцзы («Души предков не творят чудес», «Дао дэ цзин» § 60), который здесь развивает Ле-цзы (см. также «Чжуан-цзы», 229).

⁷³ См. «Чжуан-цзы», 139, 406.

⁷⁴ Три года, затем пять, семь и девять лет – здесь и ниже (58, 352, 353) не только прием перечисления, но, по-видимому, и сроки испытания учеников в древнем Китае. В данном фрагменте философ наставляет ученика Иня (Иньшэнь, Чжанцзай), как отказываться от конкретно-чувственного восприятия (дословно от органов чувств) для перехода к рациональному мышлению, т. е. преодолевать в себе субъективное, человеческое, чтобы познать объективный мир и овладеть его законами (вплоть до полета на ветре).

бодилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, [я] в конце концов не сознавал, ветер ли оседлал меня или я – ветер. Ты же ныне поселился у ворот учителя. Еще не прошел круглый срок, а ты роптал и обижался дважды и трижды. Ни одной доли твоего тела не может воспринять ветер, ни одного твоего сустава не может поддержать земля. Как же смеешь [ты] надеяться ступать по воздуху и оседлать ветер?

Ученик Инь устыдился, присмирел и долго не решался задавать вопросы.

Ле-цзы спросил Стража Границы⁷⁵:

– Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

– Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира, – ответил Страж Границы. – Я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, – это вещи. [Различие] только в свойствах. Как же могут одни вещи отдаляться от других? Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Обретает истину тот, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений. Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, [чистоты] своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали?!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы! Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить⁷⁶.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

– Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, – сказал Темнеющее Око. – А смог бы ты стрелять, если бы взойшел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню *жэней*?⁷⁷

И тут Темнеющее Око взойшел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню *жэней*, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь потом [с головы] до пят.

– У настоящего человека, – сказал Темнеющее Око, – душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам⁷⁸, странствует ли

⁷⁵ Страж Границы (Гуань Инь, Гуань Лин, Инь Си) – ученик Лаоцзы. Ему, как говорит легенда, и оставил Лаоцзы «Дао дэ цзин» в собственной записи перед уходом на Запад.

⁷⁶ Вариант фрагмента см. «Чжуан-цзы», 270.

⁷⁷ *Жэнь* – древняя мера длины, около 7–8 *чи*.

⁷⁸ Желтые источники – царство мертвых.

ко [всем] восьми полюсам⁷⁹. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!⁸⁰.

У Фаня был сын по имени Процветающий, который умело создал себе славу. Перед ним преклонялось все царство. Войдя в милость цзиньского царя, [Процветающий] не служил, а место занимал направо⁸¹ от трех старших сановников. Того, кто удостоился благосклонного взгляда [Процветающего], в царстве Цзинь⁸² жаловали титулом; того, кто заслужил бранное слово [Процветающего], из царства Цзинь изгоняли. Посещение дома Процветающего приравнялось к приему у царя.

Процветающий приказывал своим удальцам завязывать драки: умные обижали глупых, сильные подавляли слабых. [Он] не беспокоился, даже если оставались раненые и избитые. Дни и ночи проходили в таких забавах, которые чуть ли не вошли в обычай во всем царстве.

[Однажды] первые удальцы Фаня – Хэшэн и Цзыбо – отправились за город и заночевали в хижине старика землепашца Кая с Шан-горы. В полночь Хэшэн и Цзыбо заговорили друг с другом о славе и могуществе Процветающего: он-де властен погубить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного – богачом.

Кай с Шан-горы, давно уже страдавший от голода и холода, притаился у северного окна и подслушал их беседу. Затем [он] занял зерна, сложил в корзину, взвалил ее на спину и отправился к воротам Процветающего.

В свите Процветающего состояли родовитые люди. Одеты в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, посматривая [на всех] свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерна лицом, в платье и шапке отнюдь не изысканных, все они отнеслись к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались, обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прихлебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они взошли на высокую башню, и один из них пошутил:

– Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым, точно парящая птица, опустился [он] на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем [кто-то], указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

– Там – драгоценная жемчужина. Нырни – найдешь ее.

Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий велел впредь кормить [Кая] вместе с другими мясом и одевать его в шелк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар. Процветающий сказал:

– Сумеешь войти в огонь, спасти шелк – весь отдам тебе в награду, сколько ни вытащишь!

Кай, не колеблясь, направился [к сокровищнице], исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

⁷⁹ В Китае существовало представление о восьми странах света: восток, запад, север и юг, а затем северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад.

⁸⁰ Этот фрагмент см. также «Чжуан-цзы», 296.

⁸¹ В Китае чины и звания делились на правые – младшие, и левые – старшие. Содержание притчи о Фане Процветающем (Цзыхуа) и Кае с Шан-горы (Шан Цюкае) – иллюстрация к высказанному ранее положению о возможности неосознанного слияния с природой. Заключение же притчи по существу не даосское. Устами Конфуция «чудеса» объявляются принадлежностью слепой веры.

⁸² Цзинь – одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньси.

– Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты – святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дай нам спросить: в чем заключается твой секрет?

– У меня нет секрета, – ответил Кай с Шан-горы. – Откуда это – сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал [как они] восхваляли Прорастающего: [он]–де властен умертвить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного – богачом. И я отправился [к нему], несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда пришел сюда, [я] верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет [с моим телом], боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, [я] стал прислушиваться и приглядываться к [вашей] похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, не утонуть – и от горя, от страха [меня] бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу еще раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удалыцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цай Во⁸³ сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

– Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, трогать небо и землю, богов и души предков, пересечь [вселенную] с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя – ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жердочка Для Птиц⁸⁴. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу <рыболова>. В его присутствии самцы и самки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разнообразные виды [зверей] паслись рядом, не царапая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Мао-горы.

Он же сказал [Садоводу]:

– [Я], Жердочка, – презренный раб. Какое искусство могу тебе передать? Но боюсь, как бы государь не обвинил [меня] в том, что [я] утаил от тебя [секрет], и скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потекают, и сердиться, когда перечат, – в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно?! Гнев [зверя] вызывают, когда идут против [его] воли. Во время кормежки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, [тигр] придет в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая ее, придет в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, [что] приводит его в ярость. Тигр и человек [принадлежат] к различным видам. Человек потекает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит – и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь также и

⁸³ Цай Во (Юй) – ученик Конфуция, см. «Изречения», гл. 3, I, 64.

⁸⁴ Жердочка для Птиц (Лян Ян) – отнесен к правлению Сюаньвана в царстве Чжоу (827–782 гг. до н. э.). Этот раб – герой одной из тех притч, в которых раскрывается «секрет» мастерства в даосском его понимании: познание законов объективного мира и умение ими пользоваться для покорения природы и других существ. Второй герой притчи – Садовод с Мао-горы (Маоцзю Юань) – земледелец. Вариант фрагмента см. «Чжуан-цзы», 164.

потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернется непременно к гневу, а от гнева вернется снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, [когда] у меня нет мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. [Действую] по закону природы – предоставлять каждого самому себе, поэтому [они] бродят по моему саду, не вспоминая о высотах [горных] лесов и просторах болот; засыпают на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

Янь Юань⁸⁵ рассказал Конфуцию:

– Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик⁸⁶ правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, – ответил он, – можно обучить того, кто умеет плавать; у прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал еще, но [он] более не отвечал. Дозвольте задать вопрос: «Что это означает?».

– Гм! – сказал Конфуций. – Я давно уже забавлялся с тобой тем, что [лежит] на поверхности, но никогда не доходил до сущности. [Теперь] все же скажу.

«Можно обучить того, кто умеет плавать» – [означает, что он] легко общается с водой; «У прекрасного пловца [к этому] особые способности» – забывает про воду; «А если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» – для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка – скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма вещей, это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры⁸⁷ [со ставкой] на черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застужку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]⁸⁸: струи спадают с высоты в тридцать *жэней*, пена бурлит на тридцать *ли*. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи – морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел [из воды] с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и ему сказал:

– Водопад в Люйляне высотой в тридцать *жэней*, пена бурлит на тридцать *ли*. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи – морские или речные. Заметив, как ты в него вошел, я подумал, что с горя ищешь смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы тебя вытащить. [Когда] ты вышел с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться, я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты – человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как следует людям] ходить во воде?

⁸⁵ Янь Юань (Хой) – любимый ученик Конфуция, о нем см. «Чжуан-цзы», 360; «Изречения», гл. 2, I, 28–29. Вариант фрагмента см. «Чжуан-цзы», 271–272.

⁸⁶ Притча о мастерстве Перевозчика сходна с приведенной выше, но содержит критику взглядов Конфуция, который якобы сам признает недостатки своего учения, а именно – отсутствие глубоких знаний («Забавлялся тем, что лежит на поверхности, но никогда не доходил до сущности»).

⁸⁷ Вариант фрагмента см. «Чжуан-цзы», 272, «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 129; «Хуайнаньцзы», цз. 17, VII, 290.

⁸⁸ В Люйляне (водопад) – одно из общих мест, см. также «Ле-цзы», 122 (с иными выводами) и «Чжуан-цзы» (первый вариант, сокращенный, 275–276).

– Нет, – ответил пловец. – У меня нет секрета. От рождения – это у меня привычка, при возмужании – характер, в зрелости – это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следуя за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот мой секрет.

– Что означает: «от рождения – это привычка, при возмужании – характер, в зрелости – это судьба»? – спросил Конфуций.

– Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов – такова привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде – таков характер; это происходит само собой и я не знаю почему – такова судьба⁸⁹.

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна⁹⁰, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

– Как ты искусен! – воскликнул Конфуций. – Обладаешь ли секретом?

– Да! У меня есть секрет, – ответил ловец цикад. – В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика] и не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, точно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

Конфуций обернулся к своим ученикам и воскликнул:

– Вот каковы речи того Горбуна! Воля [у него] не рассеивается, а сгущается в душе.

А Горбун в ответ:

– Вы, длиннополые ученики! Откуда вам знать то, о чем спрашиваете? Заботитесь о собственном поведении да потом еще утруждаете [себя] такими речами!

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

– Я слышал, что все чайки следуют за тобой. Поймай-ка мне [нескольких] на забаву.

На другое утро, [когда Любитель чаек] отправился в море, чайки кружились [над ним], но не спускались.

Поэтому и говорится: «Высшая речь – без речей, высшее деяние-недеяние»⁹¹. То знание, которое доступно всем, – неглубоко.

Чжао Сянцзы⁹² с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. С помощью высокой травы подожгли лес, и пламя охватило [его] на сотни *ли*. [И тут] из каменного утеса вышел человек, [который] поднимался и опускался вместе с дымом и пеплом. Все

⁸⁹ Трактровка понятия «судьбы» здесь коренным образом расходится с конфуцианской, считающей судьбу «волей (приказом) Неба», а «трепет» перед ней – одним из качеств «благородного мужа» («Изречения», гл. 16, I, 359). Заключение данной притчи таково: как «характер», так и «судьба» – необходимость, определяемая условиями жизни. Не умея объяснить подобные явления («не зная почему»), люди и дали им особое название – «судьба». Подробнее о даосском детерминизме у Ян Чжу, см. гл. 6 «Сила и Судьба», 97–106.

⁹⁰ Данная притча (вариант см. «Чжуан-цзы», 271) о мастерстве человека с физическими недостатками имеет особое значение: герой, человек угнетенный, противопоставляется «благородному», в конфуцианской концепции – обязательно обладавшему прекрасной внешностью.

⁹¹ В заключение притчи пересказываются положения Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», § 2, 43). Вариант притчи о любителе чаек см. «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, 221–222.

⁹² Чжао Сянцзы – правитель царства Чжао с 457 по 425 г. до н. э.

сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек вышел не спеша.

Чжао Сянцзы удивился, удержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями [в голове] – человек; по дыханию, голосу – человек. И [Чжао Сянцзы] спросил:

– С помощью какого секрета живешь в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

– Что называешь камнем? Что называешь огнем? – спросил его тот.

– То, откуда [ты] недавно вышел, – камень; то, через что недавно прошел, – огонь.

– Не ведаю, – ответил тот.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный⁹³ и спросил Цзыся⁹⁴:

– Что это был за человек?

– [Я], Шан, слышал от учителя, что [человек, который обрел] гармонию, во всем подобен, [другим] вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все – и проходить через металл и камень, и ступать по воде и пламени.

– А почему ты этого не делаешь? – спросил царь Прекрасный.

– [Я], Шан, еще не способен открыть свое сердце и очистить [его] от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.

– Почему не делает этого учитель?

– Учитель способен на это, – ответил Цзыся, – но способен и не делать этого.

[Ответ] очень понравился царю Прекрасному.

Некий Колдун⁹⁵, по имени Цзи Сянь, переселился из Ци в Чжэн. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого – беда, кого – долголетие, а кого – ранняя смерть, и назначал [каждому] срок: год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Ле-цзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-горы:

– Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

– Я не открывал тебе внешнего, пока ты не постиг сущности, – сказал учитель, – Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Ле-цзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Ле-цзы:

– Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное – пепел, залитый водой.

Ле-цзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

– В тот раз я показался ему поверхностью земли, без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Ле-цзы снова явился с Колдуном.

[Когда они] вышли, Колдун сказал Ле-цзы:

⁹³ Прекрасный (Вэнь хоу) – царь Вэй (№ 7646) (424–387 гг. до н. э.).

⁹⁴ Цзыся (Бу Шан) – учитель вэйского царя Вэньхоу – был учеником Конфуция (см. «Изречения», гл. 1, I, 11), но здесь дает объяснения в даосском духе.

⁹⁵ Данная притча о Колдунах (Шэнь, Цзи Сянь) с некоторыми изменениями повторяется и в «Чжуан-цзы» (189–191) – как обличение колдовского (магического) применения даосского познания природы в упрощенном, поверхностном толковании.

– Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше. В пепле появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Ле-цзы вошел к учителю и передал ему [все].

– На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что «энергия проникает через преграду», что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Ле-цзы снова явился с Колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Ле-цзы:

– Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его, и я] снова его навещу.

Ле-цзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель же молвил:

– На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять глубин: глубина водоворота и стоячей воды, проточной воды и бьющего источника, родника, текущего с горы, и источника, вытекающего из ямы, реки, вернувшейся в русло после прорыва [дамбы], реки, растекающейся по болоту, и нескольких ручьев, вытекающих из одного источника. Приди-ка [с ним] снова сюда.

На другой день Ле-цзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел [Колдун] занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

– Догони его, – велел учитель.

Ле-цзы побежал, не смог его догнать, вернулся и доложил учителю:

– Не догнал. [Он куда-то] исчез! Потерялся!

– Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет. Я предстал перед ним пустым, слабым, покорным. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал.

Тут Ле-цзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил, будто людей. В резьбе и полировке вернулся к безыскусственности⁹⁶. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли, возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Ле-цзы направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

– Почему возвратился? – спросил Темнеющее Око.

– Я испугался!

– Чего же испугался?

– Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

– Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

– Чистота внутри еще не освободилась, а из тела [она] просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же делает властитель тьмы колесниц, который отдает все силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг⁹⁷.

– Прекрасное наблюдение! – воскликнул Темнеющее Око. – [Но если] ты останешься у себя, люди станут [искать] у тебя защиты.

⁹⁶ Такой же взгляд на искусство см «Чжуан-цзы», стр. 282.

⁹⁷ Данный аргумент – одно из свидетельств об отказе даосов служить власть ищущим (вариант фрагмента см. «Чжуан-цзы», 390).

Вскоре Темнеющее Око пришел [к Ле-цзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу <как подчиненный>, Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Ле-цзы. Ле-цзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

– Поскольку [вы], Преподобный, пришли, не дадите ли мне совет?

– [Все] копчено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так! Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался не способным помешать другим искать у тебя защиты. К чему это?

[Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и колеблет [тебя] самого. Никто из твоих последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня – яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Ян Чжу⁹⁸ на юге достиг [местности] Пэй, (и когда) Лаоцзы⁹⁹, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах – в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

– Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Чжу промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воду для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подполз к нему на коленях и заговорил:

– Недавно учитель подъял взор к небу, вздохнул и сказал: «Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя». [Мне], ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

– У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!»¹⁰⁰ – ответил Лаоцзы.

– Почтительно слушаюсь! – сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

Проходя через Сун¹⁰¹, на востоке Ян Чжу зашел на постоялый двор. У хозяина двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

– Красавица сама [собою] любит, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

– Запомните это, ученики, – сказал Янцзы. – Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы ни пришли.

В Поднебесной есть путь к постоянным победам и путь к постоянным поражениям. Путь к постоянным победам называется слабостью, путь к постоянным поражениям называется силой. Оба этих пути легко познать, однако люди их не знают. Поэтому в древности и гово-

⁹⁸ Ян Чжу (Янцзы – № 4494, вариант № 4490, Ян Цзыцзюй) – VI–V вв. до н. э., ученик Лаоцзы, подробнее см. «Ле-цзы». гл. 7, прим. 1. Вариант данного фрагмента см. «Чжуан-цзы», 353.

⁹⁹ Лаоцзы (Лао Дань, Старый Дань, Ли Эр) – VI в. до н. э., основоположник даосской школы – древнего стихийного материализма и наивной диалектики.

¹⁰⁰ Почти точная цитата из Лаоцзы, см. «Дао дэ цзин», § 41.

¹⁰¹ Вариант притчи о двух наложницах (без вывода в последнем абзаце) см. «Чжуан-цзы», 287.

рили: «сильный [старается] опередить тех, кто слабее его; слабый – тех, кто сильнее его»¹⁰². Идущему впереди тех, кто слабее его, грозит опасность от равного ему; идущему впереди тех, кто сильнее его, не грозит опасность. Так побеждают собственное тело, будто раба, так служат Поднебесной, будто рабы. Это и называется: победой без побед, службой без служения.

Вскармливающий Медведя сказал:

– Хочешь быть твердым¹⁰³, сохраняй [твердость] с помощью мягкости; хочешь быть сильным, береги [силу] с помощью слабости. [Кто] собирает мягкое, станет твердым; [кто] собирает слабое, станет сильным; наблюдай за тем, что собирается, чтобы узнать, что придет: счастье или беда. Сильный побеждает тех, кто слабее его, а от [руки] равного себе – гибнет. Слабый побеждает тех, кто сильнее его, его сила – неизмерима. Лаоцзы сказал:

«Войско могущественное погибнет.
Дерево крепкое сломается.
Мягкое и слабое – спутники жизни.
Твердое и сильное – спутники смерти»¹⁰⁴.

Подобные по уму могут быть различны обликом; подобные обликом могут быть различны по уму. Мудрый сближается с подобным [себе] по уму, но отдаляется от подобного [себе] обликом; дюжинный сближается с подобным [себе] обликом, но отдаляется от подобного [себе] по уму. С подобными [себе] обликом [мы] сближаемся и их любим; от отличающихся от нас обликом [мы] отдаляемся и их боимся. [Того, кто] обладает ростом в семь *чи*, руками, отличными от ног, волосами на голове и зубами во рту, бежит, наклонясь вперед, – называем человеком; но человек может обладать сердцем зверя. Однако, несмотря на звериное сердце, видим в нем подобного себе. [Того, кто] обладает крыльями по бокам, рогами на голове, способен обнажать клыки и выпускать когти, летать в воздухе или бегать на четырех ногах, называем птицей или зверем. А у птицы или зверя может быть сердце человека. Однако, несмотря на человеческое сердце, [мы] видим в них чуждых себе обликом.

У Готовящего Жертвенное Мясо и Нюйва¹⁰⁵, у Священного Земледельца¹⁰⁶ и Великих Вождей¹⁰⁷ были змеиные тела и человеческие лица или бычьи головы и тигриные морды. [Они] обладали не обликом человека, а свойством великих мудрецов. Ся Разрывающий на Части¹⁰⁸ и Инь Бесчеловечный¹⁰⁹, Луский Хуань¹¹⁰ и Чуский Му¹¹¹ внешне, семью отверстиями [в голове] были подобны человеку, но сердцем обладали звериным. Дюжинный человек, дер-

¹⁰² Ср. «Дао дэ цзин», § 78. Заключение фрагмента – развитие утопии Лаоцзы о государе, стоящем ниже своих подданных.

¹⁰³ Данный фрагмент (без упоминания о Вскармливающем Медведе) и до половины речи Лаоцзы см. «Хуайнаньцзы», (цз. 1, VII, 8–9).

¹⁰⁴ Ср. «Дао дэ цзин», § 76.

¹⁰⁵ Готовящий Жертвенное Мясо (Паоси или Фуси) и Нюйва (Нюйгуа) – древнейшие герои китайских мифов. Несмотря на позднейшую трактовку как «правителей», в их изображении сохранилось туловище змеи.

¹⁰⁶ Священный Земледелец (Шэньнун) – мифический изобретатель земледелия.

¹⁰⁷ Великие Вожди (Сяхоуши) – род Молодого Дракона (Юя). Перевод имени, основанный на гипотезе Гу Цзегана (т. I, стр. 120), не означает нашего согласия с самой гипотезой, отрицающей один из самых значительных образов китайской мифологии – великого покорителя потопа (традиционные даты: покорения потопа–2286–2278, соправления с Ограждающим (Шунем) – 2224–2208, самостоятельного правления – до 2198 гг. до н. э.).

¹⁰⁸ Ся Разрывающий на Части (Цзе, традиционные даты его правления 1818–1767 гг. до н. э.) – посмертный титул последнего правителя мифической династии Ся. Цзе и следующие за ним в тексте три персонажа считаются людьми порочными, отрицательными героями истории.

¹⁰⁹ Инь Бесчеловечный (Чжоу, традиционные даты правления 1154–1122 гг. до н. э.) – посмертный титул последнего правителя династии Шан-Инь.

¹¹⁰ Хуань – царь, правивший в Лу с 712 по 695 г. до н. э.

¹¹¹ Му – царь, правивший в Чу с 625 по 614 г. до н. э.

жась лишь облика в поисках истины, ее [истины] не найдет. Желтый Предок, сражаясь с Предком Огня¹¹² на поле при Баньцюань, повел в авангарде медведей и медведиц, волков и барсов, пантер и тигров, а знаменосцами сделал орлов и фазанов, кречетов и коршунов. Таково подчинение птиц и зверей силой. Высочайший¹¹³ поручил Кую¹¹⁴ ведать музыкой. Ударяя одной каменной пластинкой о другую, [тот] повел всех зверей танцевать; [сыграл] на свирели девять тактов песни «[Великое] цветение»¹¹⁵, и пара фениксов явилась совершить обряд. Таково привлечение птиц и зверей музыкой. Разве этим сердца у птиц и зверей отличаются от человеческих? К тем, кто по облику и по голосу отличается от человека, [мы] не знаем, как подойти. Мудрый же все знает, всех понимает, поэтому умеет их привлечь и ими распоряжаться. Ведь у птиц и зверей знания естественные, подобные человеческим. Не заимствуя знаний у человека, все они стремятся сохранить свою жизнь. Самец и самка спариваются, мать и детеныш любят друг друга. [Они] избегают [местности] ровной, держатся неприступной, уходят от холода, стремятся к теплу, останавливаются, [собираясь] в стадо; передвигаются рядами, юные помещаются в середине, сильные – по краям. [Когда есть] вода, ведут [к ней] друг друга, [когда есть] пища, призывают друг друга. В древности [они] жили вместе с людьми¹¹⁶ и передвигались вместе с людьми, а во времена вождей и царей стали пугаться и бросаться враспынную. В последнее же время [они] таятся, прячутся и спасаются бегством, чтобы избежать беды. Ныне на востоке в стране рода Посредников люди понимают язык шести [видов] животных и [с ними] говорят. Эти знания [они], наверно, приобрели случайно. В древнейшие же времена священные мудрецы различали по виду и по характеру мириады тварей и понимали язык каждого из видов; созывали их и собирались вместе с ними, учили их и принимали, как людей. Поэтому сначала встречались с душами предков и духами, оборотнями, горными и лесными, затем общались с народами всех восьми сторон и, наконец, собирали птиц и зверей, насекомых и пресмыкающихся. [Они] говорили: «У существ, обладающих кровью и жизненной энергией, нет большого различия в сердце и знаниях». Священные мудрецы это знали и поэтому, обучая и наставляя, никого не упускали.

В царстве Сун жил Обезьяний Царь¹¹⁷, который любил обезьян и кормил их целую стаю. [Он] умел разгадывать их желания, обезьяны также его понимали. Чтобы угодить обезьянам, [он] меньше кормил свою семью.

Но вдруг [он] обеднел, и пришлось [ему] уменьшить корм обезьянам. Боясь, что вся стая выйдет из повиновения, сначала их обманул:

– Хватит ли, если стану давать вам. утром по три каштана, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны поднялись в гнев.

– Хватит ли, если стану давать вам утром по четыре каштана, а вечером по три? – сразу же переспросил он.

И все обезьяны, обрадованные, легли на землю.

¹¹² Предок Огня (Янь ди) – один из мифических предков китайцев, вариант его имени, возможно, Владеющий Огнем (Ю Янь) (ср. «Чжуан-цзы» гл. 9, прим. 3, гл. 10, прим. 11, гл. 14, прим. 12, гл. 16, прим. 2). Пример отождествления Яньди с другими богами на основании более поздних источников см. Юань Кэ, стр. 72–78, 341–344.

¹¹³ Высочайший (Яо) – мифический правитель, позже обожествлявшийся конфуцианской религией. Традиционные даты его правления – 2357–2258 гг. до н. э.

¹¹⁴ Куй – музыкант, Орфей китайской мифологии.

¹¹⁵ «Великое Цветение» («Да Шао») – мелодия, созданная Куем в правление Ограждающего (см. также «Чжуан-цзы»).

¹¹⁶ В данном фрагменте как часть даосской утопии излагается представление о постепенном развитии человека от естественного, «животного» состояния, которое противопоставляется конфуцианской легенде о «золотом веке» древности – правлении «праведных» царей (см. также Ян Чжу, 107–108, 115; «Чжуан-цзы», 197, 369–370).

¹¹⁷ Вариант той же притчи, известной под названием «Утром три», см. «Чжуан-цзы», 147. Ее значение: от перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

Так же точно заманивают в клетку тварь более глупую. Мудрец с помощью своих знаний заманивает толпу дураков так же, как перехитрил обезьян с помощью своих знаний Обезьяний Царь. Оставив название и сущность неизменными, [он] сумел вызвать у обезьян то гнев, то радость.

Цзи Синцзы¹¹⁸ тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюаньвана. Через десять дней [царь] спросил:

– Готов ли петух к бою?

– Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

– Пока нет. Еще бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

– Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

– Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него – будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух – повернется и сбежит.

Хой Ан¹¹⁹ посетил сунского царя Канвана¹²⁰. Канван затопал ногами и, гневно хрипя, закричал:

– Чему гость может меня научить? Я не люблю проповедников милосердия и справедливости. Мне нравятся храбрецы и силачи.

– Не заинтересует ли великого государя учение, которым обладаю [я], ваш слуга? – ответил Ан. – Даже сильного оно может заставить промахнуться в ударе, даже храброго – колоть [кинжалом] и не поранить.

– Прекрасно! Об этом мне нравится слушать.

– Но ведь колоть и не поранить, ударить и промахнуться – это позорно. У вашего же слуги есть такое учение, от которого и храбрый не посмеет колоть, и сильный не посмеет ударить. Но не смей – не означает не хотеть. У вашего же слуги есть учение, от которого у человека совсем исчезает подобное желание. Исчезнет подобное желание, не появится и мысли о выгоде. У вашего же слуги есть учение, от которого все мужья и жены в Поднебесной полюбят выгоду. Это умнее, чем храбрость и сила, выше [всех] четырех рангов. Не заинтересует ли это великого государя?

Это то, чего я хотел бы добиться, ответил сунский царь.

Таково [учение] Куна и Мо. Конфуций и Мо Ди стали царями, не имея земли, стали начальниками, не имея подчиненных. Желая им покоя и выгоды, каждый муж и каждая жена в Поднебесной поднимались на цыпочки и вытягивали шею. [И если] ныне великий государь властелин тьмы колесниц действительно имеет подобное желание, то все в пределах четырех границ обретут свою выгоду. И он превзойдет умом Конфуция и Моцзы.

Царю нечего было ответить. Хой Ан же поспешил уйти.

Царь сказал [стоявшим] слева и справа:

– [Вот это] красноречие! Гость сумел меня убедить?

¹¹⁸ Цзи Синцзы (Цзи Сяоцзы) – дрессировавший бойцовых петухов при Сюане, царе Чжоу в 827–782 гг. до н. э.; см. также «Чжуан-цзы», 275.

¹¹⁹ Хой Ан, умелый оратор, софист. Вариант данного фрагмента см. «Весна и осень Люя» (цз. 15, VI, 170–171); «Хуайна-ныцзы» (цз. 12, VII, 192–193).

¹²⁰ Канван – в хронологии сунских царей отсутствует.

Глава 3 ЧЖОУСКИЙ ЦАРЬ МУ

При чжоуском царе Му¹²¹ из страны на крайнем Западе явился человек, владевший [силой] превращений. Входил в огонь и воду, проходил через металл и камень, переворачивал горы, менял течение рек, передвигал обнесенные стенами города. Поднимался в пустоту и не падал, проходил сквозь твердое, не встречая препятствий, тысячам и десяткам тысяч его превращений не было конца. Он изменял и форму вещей и мысли людей.

Царь Му почитал его, словно духа, служил ему, словно царю, уступил ему царские покои, угощал его мясом вскормленных для жертв быков, баранов, свиней; чтобы развлекать его, отбирал лучших девушек-певиц. Однако тот человек не мог жить в царских покоях, находя их низкими и безобразными; не мог есть яств царской кухни, находя их сырыми и зловонными; не мог приблизиться к царским наложницам, находя их некрасивыми и вонючими.

Тогда царь Му стал воздвигать для него строение, [призвав на помощь] все искусство [своих] мастеров по глине и дереву, по окраске красным и белым. [Все] пять сокровищниц опустели, пока башня была закончена. Высотой в тысячу *жэней*, она возвышалась над вершиной Южной горы и называлась Вздвигающейся к Небу башней. Для башни выбрали красивейших из дев в [царствах] Чжэн и Вэй¹²², умастили [их] ароматными маслами, подрисовали [им] брови – усики бабочки, убрали прическу шпильками, продели [в уши] серый, одели их в тончайший холст, отороченный блестящим шелком из Ци, набелили им лица, подчеркнули брови, украсили нефритовыми подвесками, различными душистыми травами. Заполнив башню, [красавицы] сыграли песни «Принимаем облака», «Шесть драгоценных нефритов», девять тактов мелодии [«Великое» Цветение]. «Утреннюю росу»¹²³, чтобы развеселить человека, владевшего [силой] превращений.

Каждую луну [царь] подносил [ему] драгоценные одежды, каждое утро тонкие яства. Тот же до всего снисходил как бы нехотя.

Прожив недолго [в башне, тот человек] пригласил царя прогуляться. Держась за его рукав, царь взлетел с ним ввысь на самое Срединное небо и очутился в его дворце. Дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Возвышался [он] и над облаками и над дождем, а на чем покоился – неведомо. Издали он казался пушистым облаком. Все здесь для зренья и служа, обоняния и вкуса было иным, чем в мире людей. Царь, считая, что оказался поистине в обители предков – Чистейшей Столице Пурпурной Звезды, [наслаждался] широтой мелодии небесной музыки. Наклонив голову, царь увидел внизу свой дворец и террасы, похожие на комья земли и кучи хвороста. Царю казалось, что прожил [он] здесь десятки лет, не вспоминая о своей стране. [Но вот] человек, владевший [силой] превращений, снова пригласил царя прогуляться, и [они] пришли туда, где наверху не видно было ни солнца, ни луны, а внизу – ни рек, ни морей. Свет и тени ослепили царя, и [он] не мог ничего разглядеть; звуки и эхо оглушили царя, и [он] не мог ничего расслышать. Все его кости и внутренние органы затрепетали, [он] не мог сосредоточиться, мысли [у него] омрачились, жизненная сила

¹²¹ Му – царь в Чжоу (1001–947 гг. до н. э.). Его путешествия – см. «Жизнеописание Сына Неба Му» («Му тяньцзы чжуань») – были овеяны легендами, а сам Му и восьмерка его коней стали сказочными персонажами. В книге Юань Кэ имена коней по «Ле-цзы» оставлены без перевода, переведены же более поздние их варианты (IV–VI вв. н. э.). См. Юань Кэ. стр. 304, 436–437.

¹²² Чжэн и Вэй – царства, девушки в которых считались самыми красивыми, а песни – самыми нежными, – были осуждены как «развратные» конфуцианцами (см. «Изречения», гл. 15, 17, I, 339, 379, «Сюньцзы», II, 254); поэтому упоминание о них признавалось ересью.

¹²³ Названия песен, которые в «Шицзине» отсутствуют.

истощилась, и [он] стал уговаривать того человека вернуться обратно. Тот [его] толкнул, и царь камнем свалился в пустоту.

Очнулся [он] на том же месте, что и прежде; в свите были те же люди, что и прежде; вино перед ним еще не остыло, кушанья еще не высохли.

– Откуда [я] прибыл? – спросил царь.

– Государь [сидел] задумавшись; – ответили слева и справа. Тут царь Му впал в беспамятство. Пришел в себя [лишь] через три месяца и снова спросил человека, владевшего [силой] превращений. Тот ответил:

– Разве мы с государем двигались? [Нет!] Мы странствовали мысленно. А разве место, где [мы] жили, не иное, чем дворец государя? Разве места, где странствовали, не отличались от заповедника государя? Привыкнув к постоянному, сомневаешься в возможности забыться на время? При высшем же изменении в один миг можно исчерпать все возможные формы.

В большой радости царь перестал заботиться о государственных делах, наслаждаться своими наложницами и всеми мыслями предавался далеким странствиям.

[Он] приказал запрячь в две колесницы восемь своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа Рыжего Черногривого, слева – Зеленое Ухо, правой пристяжной – Рыжего Быстроногого, слева – Белую Жертву. Колесничим был Отец Цзао, помощником – Тай Бин <иероглифы неразборчивы. – Л.П.>. В упряжку второй колесницы запрягли справа Огромного Буланого, слева – Превосходящего Колесо (?), правой пристяжной – Быстроногого Вороного, левой – Сына Гор. Ведущим был Бо Яо, колесничим – Шэнь Бо, помощником – Бэнь Жун.

Промчались тысячу *ли* и прибыли в страну Огромных Охотников¹²⁴. Огромные Охотники подвезли царю и [его] людям на двух колесницах кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. Напившись, поехали дальше и заночевали на склоне [горы] Союз Старших Братьев¹²⁵ к югу от Красных Вод¹²⁶.

На другой день поднялись на вершину [горы] Союз Старших Братьев, чтобы полюбоваться на дворец Желтого Предка, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям. Затем отправились погостить к Матери Западных Царей¹²⁷ и пировали над Озером Белого Нефрита¹²⁸.

Мать Западных Царей пела царю, а он вторил ей, но слова были печальны. Наблюдая, как закатилось солнце, прошедшее за день десятки тысяч *ли*, царь со вздохом сказал:

– Увы! Я – человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Потомки осудят меня.

Разве царь Му священен? [Ведь он] сумел исчерпать наслаждения в своей жизни и все же умер, [прожив] до ста лет. В мире считали, что [он] поднялся [ввысь] <умер>.

Старый Чэнцзы¹²⁹ учился [искусству] превращений у Прездорожденного Инь Вэня¹³⁰, но за три года [тот] ничего не сказал. Старый Чэнцзы просил прощения и разрешения удалиться. Прездороженный Инь Вэнь приветствовал его, ввел в дом, загородился справа и слева и стал ему говорить:

¹²⁴ Страна Огромных Охотников (Цзюйсоу) – сказочная страна.

¹²⁵ Гора Союз Старших Братьев (Куньлунь) – мифическая обитель предков и богов: за этой горой скрываются поочередно солнце и луна.

¹²⁶ Красные воды (Чишуй) – сказочная река.

¹²⁷ Мать Западных царей (Сиванму) – божество, возглавляющее пантеон на горе Союз Старших Братьев.

¹²⁸ Озеро Белого нефрита – сказочное озеро.

¹²⁹ Старый Чэнцзы (Лао Чэнцзы), – как видно из данного фрагмента, ученик Инь Вэня, даос, обратившийся к магии.

¹³⁰ Инь Вэнь – представитель одной из ветвей даосизма (См. также стр. 317). Носящий его имя памятник см. «Чжу цзы цзи чэн», т. VI.

– Когда-то Лаоцзы, отправляясь на Запад; обернулся и сказал мне: «Все, кто обладает жизненной энергией, все, кто обладает внешней формой <телом>, смертны. То, что создается, развивается [с помощью] жара и холода, называется жизнью, называется смертью. То, что малым числом достигает Многих изменений, то, что легко меняется вслед за [своей] формой, называется превращением, называется преходящим. Процесс создания вещей сокровенен, плоды его бесчисленны, поэтому [процесс] неисчерпаем и бесконечен. Искусство же [в каждой отдельной] форме ясно видно, его успехи невелики, поэтому [оно] исчезает, едва возникнув. Изучать превращения может лишь тот, кто познал, что изменения и превращения не отличаются от [процесса] жизни и смерти. Мы с тобой такие же превращения, так следует ли их изучать?».

Возвратившись домой, Старый Чэнцзы размышлял над словами Преждерожденного Инь Вэня три луны, а затем уже сумел, как хотел, распоряжаться бытием и небытием, менять четыре времени года, вызывать гром зимой, а снег – летом, заставлять летающих бегать, а бегающих – летать. Но за всю жизнь [ййкому] не открыл своего искусства, и люди [его] не передавали друг другу.

Учитель Ле-цзы сказал:

– Учение того, кто умело владеет превращениями, применяется тайно, успехи [у него] такие же, как и у [других] людей. Вряд ли добродетели Пяти предков¹³¹ и успехи Трех царей¹³² были обусловлены силой их ума и мужества, возможно, что [они] проявились благодаря превращениям. Но кто это определит?

Есть восемь свидетельств о бодрствовании; есть шесть толкований снов¹³³. Что такое восемь свидетельств [бодрствования]? Первое-событие, второе – действие, третье – приобретение, четвертое – утрата, пятое – печаль, шестое – радость, седьмое – рождение, восьмое – смерть. Эти восемь воспринимаются телом. Что такое шесть толкований [снов]? Первое – обычный сон, второе – страшный сон, третье – сон, вызванный мыслями наяву, четвертое – сказанным наяву, пятое – сон, вызванный радостью наяву, шестое – страхом наяву. Эти шесть воспринимаются душой. Тот, кто не знает причин изменений в ощущениях, приходит в смятение из-за этого явления; тот, кто знает причину изменений в ощущениях, понимает это явление. Знающего причину¹³⁴ ничто не может испугать. Тело в своей полноте или пустоте, в уменьшении или в росте связано со всем на небе и земле соответственно своему классу <роду, виду> тварей. Поэтому, когда [в теле] сильна энергия холода, во сне переправляются через водное пространство и пугаются; когда сильна энергия жара, во сне проходят через бушующее пламя и обжигаются. Когда сильны обе энергии – и холода и жара, то снится рождение или убийство. Обьевшемуся спится, что [он] отдает, изголодавшемуся что получает. По той же причине тому, кто страдает от легкости и пустоты, снится, что [он] взлетает; тому, кто страдает от тяжести и плотности, спится, что [он] тонет. Тому, кто засыпает на поясе, приснится змея; тому, у кого летящая птица заденет волосы, приснится полет. Перед темнотой снится огонь; перед болезнью – еда, после вина – печаль, после песен и плясок – плач.

Учитель Ле-цзы сказал:

¹³¹ Содержание термина «Пять предков» не всегда одинаковое. Судя по встречающимся у Ле-цзы именам, это – Желтый Предок, Священный Земледелец, Нюйва, Готовящий Жертвенное Мясо и, возможно, Высочайший.

¹³² Три царя – родоначальники трех племен (традиционных династий): Молодой Дракон (Юй) – племени Ся, Испытующий (Тан) – племени Шан-Инь, Прекрасный (Вэньван) – племени Чжоу.

¹³³ Если в начале фрагмента Ле-цзы как будто допускает возможность магического воздействия на природу (лишь как исключение для «священных» предков), то далее излагает материалистическое понимание сновидений. Комментарий также добавляет: «Главное здесь – понимание, что сон не отличается от яви», т. е. обусловливается явью.

¹³⁴ Здесь делается попытка обосновать причинность развития явлений.

Воспринятое душой – сон; воспринятое телом – явь¹³⁵. Поэтому то, о чем думаем днем, ночью видим во сне; это то, с чем встречаются и душа и тело. Поэтому у человека с душой сосредоточенной сны сами собой исчезают. Тот, кто верит в явь, молчит; тот, кто верит в сны, не понимает, что это уходят и возвращаются вещи. Разве пустые слова, что настоящий человек древности наяву забывал о себе, а спал, не видя снов?!¹³⁶.

На самом юге крайнего Запада есть страна. С какими странами она граничит – неизвестно. Называется она царством Дремучие Дебри¹³⁷. Силы жара и холода там не соединяются, поэтому холод не отличают от жары. Ее не освещают ни лучи солнца, ни свет ауны, поэтому день там не отличают от ночи. Люди там не едят, не носят одежды, много спят, просыпаясь один раз в пятьдесят дней. Они считают действительным то, что делают во сне, и недействительным – то, что видят наяву.

Страна, отстоящая на равные расстояния от четырех морей, называется Срединным-царством. Она простирается на юг и на север от [Желтой] реки¹³⁸, на восток и запад от горы Преемства¹³⁹ более чем на десять тысяч *ли*. Силы жара и холода в ней сменяются равномерно, поэтому за холодом приходит жара. Тьма и свет разделяются поровну, поэтому день сменяет ночь. Здесь мириады тварей растут и размножаются. Среди людей есть умные, есть глупые. Многообразны таланты и способности. Чтобы наблюдать за ними, есть правители и слуги, чтобы поддерживать [их] – обычаи и законы. Что они делают, о чем говорят, нельзя и сосчитать. Они то бодрствуют, то спят; считают действительным то, что делают наяву, недействительным то, что видят во сне.

На самом севере крайнего Востока есть царство Горного Племена. Там земля и воздух всегда жаркие, землю освещает слишком много лучей солнца и луны, лучшие [сорта] зерна не рождаются. Там люди едят траву, корни, плоды деревьев, не умеют варить пищу на огне. У них характер твердый, вспыльчивый. Опираясь друг на друга, сильные подавляют слабых, почитают победителей и не уважают справедливости. [Они] много ездят верхом и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят.

Инь в царстве Чжоу¹⁴⁰ управлял огромным хозяйством. Подчиненные ему рабы спешили, не отдыхали от зари до темноты. Старого раба, у которого уже не осталось сил, Инь заставлял без меры трудиться. Утром [раб] со стоном шел на работу, ночью усталый крепко засыпал. [Когда] жизненная энергия рассеивалась, [он] каждую ночь видел себя во сне царем, стоящим над народом, правящим делами всего царства. Он наслаждался, как хотел, проводя время с наложницами, в прогулках, пирах и зрелищах, испытывая несравненную радость. Пробуждаясь же, снова оказывался рабом.

Люди утешали его в тяжком труде, раб же им говорил:

– Человек живет сто лет¹⁴¹. Это [время] делится на день и ночь. Днем я слуга-пленник и страдаю горько, а ночью становлюсь царем и радуюсь несравненно. Что же мне роптать?

У [хозяина же] Иня сердце было занято хлопотами. В заботах о дарованном предками наследии [он] утомлялся и телом и сердцем, вечером усталый засыпал. И каждую ночь во сне он становился рабом, которого подгоняли, поручая любую работу, всячески ругали и били. Во сне он бредил, стонал, но отдых приходил лишь наутро.

¹³⁵ Ср. «Чжуан-цзы»: «Тот, кто видел во сне, что пьет вино, – наяву плачет...» (152). «Во сне – воспринятое душой, наяву – воспринятое телом» (144).

¹³⁶ Ср. «Хуайнаньцзы» цз. 2, VII, 21.

¹³⁷ «Дремучие Дебри» (Гуман), «Горное племя» (Фуло) – страны сказочные, в отличие от страны реальной – Срединных царств Китая.

¹³⁸ Река без определения обозначается *хэ* или *цзын*. Первая, как правило, Хуанхэ, вторая – Янцзыцзян.

¹³⁹ Гора Преемства (Дайшань) – другое, видимо, более древнее название горы Великой (Тайшань) – места захоронения царей (предков) и принесения новым царем первой жертвы Небу.

¹⁴⁰ Царство Чжоу – одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шэньси.

¹⁴¹ Ср. с тезисами Ян Чжу (107) и с монологом разбойника Чжи (297).

Страдая от этого, Инь попросил совета у друга. Друг сказал: – [Вы] намного превосходите других своим положением, вполне достаточным для славы. Имущества же и богатства [у вас] излишек. Во сне становиться рабом, возвращаться от покоя к мучению – таково постоянство [судьбы]. Разве можно обладать тем, что желаешь, и во сне и наяву?

Выслушав совет друга, [Инь] уменьшил [бремя] своих рабов, сократил дела, о которых заботился, и [тогда] почувствовал облегчение.

Чжэнец-Дровосек, собирая топливо в отдаленном месте, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу» и решил, что все это случилось во сне.

По дороге [дровосек] пел о том, что с ним случилось. Песню подслушал прохожий и благодаря этому нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

– Дровосек во сне добыл оленя, но не знал, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещий сон.

Жена возразила:

– Не приснилось ли тебе, что дровосек добыл оленя? Откуда взялся дровосек? Поистине ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

– Зачем разбираться, кому приснилось: ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрягал оленя, и человека, который нашел оленя. На следующее утро дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя. Его послали к Наставнику мужей.

Наставник мужей сказал:

– Если [ты] сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. [Если же] на самом деле добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительным. [Если] Прохожий действительно взял твоего оленя, то спорит с тобой из-за оленя. [Если же] его жена [правильно] говорит, что он узнал о чужом олене во сне, тогда никто не добыл оленя. [Однако] вот доказательство – олень. Прошу разделить его на две части и пусть услышит об этом царь Чжэн.

Царь Чжэн сказал:

– Увы! Не видел ли и [сам] судья во сне, что разделит чужого оленя?

[Царь] спросил совета у помощника. Помощник же сказал:

– [Ваш] слуга не может разобраться, сон это был или не сон. Отличить сон от яви [могли] лишь Желтый Предок и Конфуций. Кто же их различит, [если] ныне нет ни Желтого Предка, ни Конфуция. Значит, можно довериться решению Наставника мужей.

Хуацзы¹⁴² из Янли в [царстве] Сун в среднем возрасте потерял память. Взяв [что-то] утром, забывал к вечеру; отдав вечером, забывал к утру; на дороге забывал, что [надо] идти, в доме забывал, что [надо] сидеть; сегодня не помнил о [том, что было] вчера; завтра не помнил о [том, что было] сегодня. Вся семья о нем печалилась. Позвали гадалею, [он] гадал на панцире черепахи, но не дал ответа. Позвали шамана, [он] прочел заклинания, но не прогнал несчастья. Позвали врача, [он] лечил, но [болезнь] не прошла.

Конфуцианец из [царства] Лу сам вызвался излечить [больного]. Жена и сыновья Хуацзы предложили за снадобье половину всего имущества. Конфуцианец же сказал:

¹⁴² Хуацзы (Цзы Хуацзы) – последователь Ян Чжу (см. Ян Юнго, стр. 233; «Чжуан-цзы», 356). В данном фрагменте он полемически противопоставляется конфуцианцу, привязывающему человека к мелочам бытия.

– Эту [болезнь], конечно, не разгадать по линиям на панцире черепахи, не изгнать заклинаниями, не излечить лекарствами и наколами камня¹⁴³. Я попытаюсь вернуть его к мыслям, к заботам. Может быть, и вылечу.

Тут конфуцианец раздел Хуацзы донага, и [тот] стал искать одежду; оставил его голодным, и [тот] стал искать пищу; запер его в темноте, и [тот] стал искать света. Конфуцианец обрадовался и сказал сыновьям Хуацзы:

– Болезнь поддается излечению. Но мое искусство передается из поколения в поколение тайно, чужие в него не посвящаются. Попробуйте загородить [нас] справа и слева и оставить нас в комнате наедине на семь дней.

Ему подчинились, и никто не узнал, что он делал. И застарелая болезнь прошла за одно утро.

Хуацзы очнулся и страшно разгневался. Выгнал жену, наказал сыновей и с копьем погнался за конфуцианцем. Сунцы схватили его и спросили, почему он [так поступает]. Хуацзы же ответил:

– Прежде, утратив память, я был безгранично свободен, не ощущая даже, существуют ли небо и земля. А ныне внезапно [все] осознал, и в тысячах спутанных нитей [мне] вспомнились жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть за прошедшие десятки лет. Я страшусь, что с такой же силой поразят мое сердце грядущие жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть. Сумею ли снова хоть на миг обрести забвение!

Услышав об этом, Цыгун удивился и рассказал Конфуцию.

– Этого тебе не постичь, – ответил Конфуций, обернулся к Янь Юаню и велел ему это запомнить.

Сын циньца из рода Пан в детстве был очень умным, но, возмужав, потерял рассудок¹⁴⁴: пение принимал за плач, белое – за черное, аромат – за зловоние, сладкое – за горькое, плохой поступок – за хороший. Он понимал наоборот все, о чем бы ни думал: небо и землю, четыре страны света, воду и огонь, жару и холод.

[Некий] Ян посоветовал его отцу:

– Почему бы тебе не навестить благородных мужей в Лу?¹⁴⁵ Среди них много искусных и талантливых! Возможно, и сумеют его вылечить?

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь, встретился с Лаоцзы и рассказал ему о признаках болезни [сына].

– Почему ты думаешь, что твой сын безумен? – спросил его Лаоцзы. – Ныне все в Поднебесной заблуждаются в том, что истинно, а что ложно, что выгодно, а что убыточно. Одной болезнью страдают многие, поэтому никто [ее] не замечает. К тому же, безумия одного человека недостаточно, чтобы перевернуть всю семью; безумия одной семьи недостаточно, чтобы перевернуть всю общину; безумия одной общины недостаточно, чтобы перевернуть все царство; безумия одного царства недостаточно, чтобы перевернуть всю Поднебесную. Даже если весь мир станет безумным, кто сумеет его перевернуть? Вот если бы умы у всех в Поднебесной стали такими же, как у твоего сына, тогда ты, напротив, стал бы безумным. Кто сумел бы тогда управлять радостью и печалью, звуком и цветом, дурным вкусом и тонким, истинным и ложным? Ведь и мои слова могут быть безумны, а уж речи благородных мужей из Лу – самые

¹⁴³ Метод лечения, по-видимому предшествовавший иглотерапии.

¹⁴⁴ В этом фрагменте продолжается тема предшествующего, а в заключение устами Лаоцзы конфуцианцы («благородные мужи из Лу», см. прим. 25) объявляются безумными.

¹⁴⁵ Царство Лу – родина Конфуция, одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньдун.

безумные. Как могут [они] исцелить другого от безумия? Лучше тебе поскорее возвратиться домой, чем расходовать провиант на дорогу.

[Некий] янец¹⁴⁶ родился в Янь¹⁴⁷, но вырос в Чу¹⁴⁸, состарившись же, отправился обратно в свою страну.

Проходя [с ним] по царству Цзинь, попутчик захотел его обмануть. Указав на стену, молвил: «Это стена царства Янь», – и янец побледнел от печали. Указав на алтарь Земли, молвил: «Это алтарь твоей общины», – и янец принялся вздыхать и стенать. Указав на хижину, молвил: «Это жилище твоих предков», – и слезы из глаз янца потекли ручьем. Указав на могильные холмы, молвил: «Это могилы твоих предков», – и янец безудержно зарыдал.

[Тут] попутчик расхохотался и сказал:

– Я тебя одурачил. Ведь это – царство Цзинь.

Янец чуть не сгорел от стыда. Когда же пришел в Янь и увидел настоящие яньские стены и алтарь Земли, настоящие хижины и могилы предков, горе уже не охватывало его с такой силой.

¹⁴⁶ Фрагмент посвящен проблеме относительности: чувство, испытанное впервые (даже ложно), сильнее, чем при его повторении (даже истинном).

¹⁴⁷ Янь – одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Хэбэй.

¹⁴⁸ Чу – одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Хунань и Хубэй.

Глава 4 КОНФУЦИЙ

Конфуций жил в праздности¹⁴⁹. [Когда] Цыгун вошел, [чтобы] ему прислуживать, вид [у него] был печальный. Цыгун не посмел спросить [почему], вышел и сообщил Янь Юаню. Янь Юань запел, аккомпанируя себе на цине. Услышав, Конфуций все же [его] позвал. Он вошел, и [Конфуций] его спросил:

- Чему радуешься в одиночестве?
- Чему учитель печалится в одиночестве? – спросил Янь Юань в ответ.
- Сначала поведай о своих мыслях, – сказал Конфуций.
- Прежде я слышал от учителя: «[Кто] радуется Небу и знает [его] веление, не печалится». Поэтому [я], Хой, и радуюсь.

Конфуций изменился в лице и через некоторое время заговорил:

– Это [я] сказал? Ты понял неверно. Эту мою прежнюю речь прошу исправить нынешней речью. Ты услышал лишь, что не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление; но еще не слышал, сколь велика печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Ныне же поведаю тебе все по правде. Совершенствоваться самому, не думая о том, прославишься или останешься в бедности, сознавая, что [хотя] ни прошедшее, ни будущее не зависят от тебя, но ничто не смутит твоих мыслей, – вот что ты называешь не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление». Прежде я улучшал песни и предания, исправлял обряды и музыку¹⁵⁰, чтобы с их помощью навести порядок в Поднебесной и оставить [его] будущим поколениям. [Стремился] совершенствоваться не только сам, навести порядок не только в царстве Лу. Однако в Лу и государь и слуги с каждым днем все больше нарушали порядок; милосердие и справедливость все ослабевали; чувства и характеры ожесточались. [Если] это учение не годилось для своего времени, для одного царства, как же [пригодится оно] для будущего, для всей Поднебесной?! Я начал понимать, что песни, предания, обряды и музыка не спасут от смуты; но еще не нашел средства, как это исправить. Такова печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Хотя я это и обрел, но ведь [подобные] радость и знания не те радость и знания, о которых говорили древние. Не иметь радости, не иметь знаний – вот истинная радость, истинные знания! Поэтому нет ничего, чему бы не радовался, нет ничего, чего бы и знал, нет ничего, чему бы не печалился, нет ничего, чего бы не совершил. К чему отбрасывать песни и предания, обряды и музыку? К чему их исправлять?

Янь Юань обратился лицом к северу, поклонился и сказал: – [Я], Хой, также это постиг.

Вышел и поведал обо всем Цыгуну. Цыгун же пришел в смятение, [словно] растерялся. Вернулся домой и целых семь дней размышлял с такой страстью, что не мог ни спать, ни есть, остались от него лишь [кожа да] кости. Янь Юань не раз пытался его вразумить, пока наконец [Цыгун] не вернулся к воротам учителя и до конца дней своих не прекращал петь песни, аккомпанируя себе на струнах, и рассказывать предания.

Чэньский полководец приехал послом в Лу и тайно встретился с Шусунем¹⁵¹.

¹⁴⁹ В данном фрагменте, как и в некоторых следующих ниже, применяется полемический прием: устами противника – Конфуция, доказываются ложность его учения и истинность учения даосов. Сторонниками даосов выводятся и некоторые ученики Конфуция, чаще всего Янь Юань.

¹⁵⁰ На подобных высказываниях основывается легенда о том, что Конфуций сочинил или собрал и отредактировал общенародное наследие – своды песен, преданий, обрядов. Ср. «Изречения» (гл. 7, I, 144): «То, о чем учитель (Кунцзы. – Л. П.) прекрасно говорил, [это] песни, предания, соблюдение обрядов. Обо всем этом [он] прекрасно говорил...»

¹⁵¹ Шусунь – представитель аристократического рода, родич луских царей (дословно: внук дяди). В данном фрагменте – споре о мудрецах – вскрывается основное различие между учением Конфуция (о конкретно-чувственном восприятии и связи

– В нашем царстве есть мудрец, – сказал Шусунь.
– Не Конфуций ли? – спросил [гость].
– Да, он.
– Откуда известно о его мудрости?
– Я слышал от Янь Юаня о том, что Конфуций способен использовать форму [тело], отбросив сердце.

– Знаешь ли, что в нашем царстве также есть мудрец? – спросил полководец из Чэнь.
– Кого называешь мудрецом?
– [Одного] из учеников Лаоцзы – Кан Цанцзы¹⁵². [Он] обрел учение Лаоцзы и способен видеть ушами, а слышать глазами.

Услышав об этом, луский царь очень удивился [и] послал к Кан Цанцзы вельможу с щедрыми дарами. Кан Цанцзы принял приглашение и приехал. Царь Лу униженно попросил разрешения задать вопрос. Кан Цанцзы же ответил:

– Тот, кто передал обо мне, напутал. Я способен видеть и слышать без глаз и ушей, но не способен заменять зрение слухом, а слух – зрением.

– Это еще более удивительно, – сказал царь Лу. – Каково же это учение? Я хочу наконец о нем услышать!

– Мое тело едино с моей мыслью, мысль едина с эфиром, эфир един с жизненной энергией, жизненная энергия едина с небытием. Меня раздражает даже мельчайшее бытие [существо], даже самый тихий отклик. Пусть [они] далеки – за пределами восьми стран света, или близки – у [моих] бровей и ресниц, я о них обязательно буду знать. Не знаю, ощущение ли это, [воспринятое] мною через [все] семь отверстий¹⁵³ и четыре конечности, или познание, [воспринятое] через сердце, желудок, [все] шесть внутренних органов. Это естественное знание, и только.

Царю Лу это очень понравилось, и на другой день [он] рассказал обо всем Конфуцию. Конфуций улыбнулся, но ничего не ответил.

Жрец из Шан, ведающий заклинанием жертвенного скота, встретился с Конфуцием и воскликнул:

– Ах! Цю – мудрец!
– Как смею [я], Цю, быть мудрецом! – ответил Конфуций. – [Я], Цю, лишь многое изучил и многое узнал.

– Три царя – вот мудрецы! – воскликнул жрец из Шан.
– Три царя прекрасно умели доверять знающим и мужественным. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

– Пять предков – вот мудрецы!
– Пять предков прекрасно умели доверять милосердным и справедливым. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

– Трое владык¹⁵⁴ – вот мудрецы!
– Трое владык прекрасно умели доверять тем, кто соответствовал своему времени, но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

его с формой) и Лаоцзы (об обобщении эмпирических наблюдений с помощью рационального мышления).

¹⁵² Кан Цанцзы (Гэнсанцзы) – ученик Лаоцзы. У Сыма Цяня в «Исторических записках» (цз. 61) – Кан Санцзы; обычно его именуют Гэнсан Чу; см. «Чжуан-цзы», глава 23.

¹⁵³ Семь отверстий, по китайским преданиям, в сердце мудреца.

¹⁵⁴ Трое владык (*сань хуан*) – в древности вариант «пяти предков», см. гл. 3, прим. 11. Позже выводились в качестве более абстрактных владык – Неба, Земли и Человека.

– Но кто же тогда мудрец? – в ужасе спросил жрец из Шан. Конфуций изменился в лице и через некоторое время ответил: – Есть мудрец¹⁵⁵ среди людей Запада. Не управляет, а нет смуты, не говорит, а [все] сами собой [ему] доверяют, не творит, а [все] само собой делается. Необъятен [настолько], что народ даже не может назвать [его] имя. [Я], Цю, сомневаюсь, – мудрец ли он. Воистину ли мудрец? Воистину ли не мудрец? Не ведаю.

¹⁵⁵ Содержание этого абзаца и указание на Запад (куда ушел Лаоцзы) говорит о признании Конфуцием Лаоцзы единственным в Китае мудрецом. Позже этот фрагмент стали толковать в буддийском духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.